

Научная статья

УДК 9. 93. 930. 85

doi: 10.17223/22220836/60/21

А.С. ПУШКИН В ЖИЗНИ, СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ Т.П. ЗНАМЕРОВСКОЙ (1912–1977)

Анна Валентиновна Морозова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
amorozova64@mail.ru; a.v.morozova@spbu.ru*

Аннотация. Жизнь, судьба и творчество доктора искусствоведения Т.П. Знамеровской (1912–1977) – один из редких примеров частично бессознательного, частично сознательного построения по лекалам поэзии, прозы и жизни А.С. Пушкина. Не только стихи Знамеровской написаны автором на музыку пушкинского стихотворного слога, но и жизненные идеалы Знамеровской выкованы «по Пушкину». Это тот исключительный случай, когда Пушкин стал подлинным Учителем своей еще юной почитательницы, проникнув в ее душу через обаяние своих образов.

Ключевые слова: детство ученого и поэта, воспоминания Т.П. Знамеровской, биография ученого, А.С. Пушкин, творчество Пушкина, «Руслан и Людмила», Евгений Онегин

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00061, <https://rscf.ru/project/23-28-00061/>

Для цитирования: Морозова А.В. А.С. Пушкин в жизни, судьбе и творчестве Т.П. Знамеровской (1912–1977) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2025. № 60. С. 212–221. doi: 10.17223/22220836/60/21

Original article

A.S. PUSHKIN IN THE LIFE, FATE AND WORK OF T. ZNAMEROVSKAYA (1912–1977)

Anna V. Morozova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, amorozova64@mail.ru, a.v.morozova@spbu.ru

Abstract. The life, fate and work of the Doctor in Art history T. Znamerovskaya (1912–1977) is one of the rare examples of their, partially unconscious, partially conscious, construction according to the patterns of poetry, prose and the life of A.S. Pushkin. Not only the poems of Znamerovskaya were written by the author according to the music of Pushkin's poetic style. But Znamerovskaya's life ideals were forged "according to Pushkin." This is an exceptional case when Pushkin became a true Teacher of his still young admirer, penetrating into her soul through the charm of his images. The article is devoted to the analysis of T.P. Znamerovskaya (1912–1977), associate professor of the Department of Art History of the Faculty of History of Leningrad University, the specialist in 15–17th Centuries Spanish and Italian Art History, – the memoirs partially published by the publishing house of St. Petersburg University, partially still waiting for publication and stored both in the Manuscript Department of the Russian National Library and in the home archives of students and relatives of the scientist. These are memories of the author's childhood, youth and mature years of life. These materials have only recently begun to be introduced in scientific circulation and contain inexhaustible information about Znamerovskaya childhood and inner

world. According to these memoirs, it is clear how much importance in the childhood and mature years of Znamerovskaya the work of A.S. Pushkin and the personality of the poet himself was played for her. It all started with the beauty and musicality of Pushkin verse and the entertaining plot, but as a result, a whole person with a "Pushkin" worldview and a "Pushkin" understanding of beauty grew up. The article uses the method of biographical and source analysis. It is shown how significant the educational and ideological potential of A.S. Pushkin's creativity and personality has and how much importance he played in the formation of T.P. Znamerovskaya's personality. The article author has long been studying the biography of Znamerovskaya, but specifically the problems of the place and role of Pushkin work have not yet been reflected in her publications.

Keywords: Childhood of scientist and poet, memoirs by T. Znamerovskaya, biography of scientist, A.S. Pushkin, Pushkin work, "Ruslan and Ludmila", Evgeniy Onegin

Acknowledgments: the study was supported by a project from the Russian Science Foundation No. 23-28-00061, <https://rscf.ru/project/23-28-00061/>

For citation: Morozova, A.V. (2025) A.S. Pushkin in the life, fate and work of T. Znamerovskaya (1912–1977). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History.* 60. pp. 212–221. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/60/21

Детство – особый период в жизни человека, когда формируется его характер, определяются склонности, закладываются принципы его личности. Интерес именно к детским годам жизни известных личностей в разные исторические эпохи характерен для современной науки. Проблематике детства посвящены труды Ф. Арьеса [1], Х. Кобо Дельгадо [2], К. Ретфорда [3] и др. [4–6]. На настоящий момент ясно, что наряду с общими тенденциями в понимании детства и отношении к нему в ту или иную эпоху существовало множество индивидуальных особенностей протекания детства конкретной личности, связанных с традициями конкретной семьи. Особенный интерес представляет собой детство в будущем знаменитых людей, вписавших свои имена в скрижали истории. Такие знания могут быть использованы для более глубокого изучения биографии и творчества великих личностей, а также в современном педагогическом процессе.

В настоящее время историки искусства располагают, благодаря открытию фонда Т.П. Знамеровской в Российской национальной библиотеке и Санкт-Петербургском отделении Центрального государственного архива литературы и искусства, необходимыми материалами для изучения ее биографии и факторов, способствовавших развитию ее таланта ученого-искусствоведа. Т.П. Знамеровская (1912–1977) [7–12] (опубликованные воспоминания, стихи и дневники Знамеровской см.: [13–16]) – доктор искусствоведения, автор ряда монографий о крупнейших мастерах итальянского и испанского искусства XV–XVII вв. Совершенно особую роль в ее судьбе сыграли произведения и сам образ А.С. Пушкина, любовь к которому Тане привили в ее детские годы родители. Став взрослой, она «по Пушкину» выстроила свою судьбу и во многом свое творчество.

В своей Автобиографии, написанной в конце жизни, Знамеровская отмечала: «Я не умела еще писать иначе как печатными буквами, но она (мама. – А.М.) развивала во мне страсть к книгам, разнообразным и серьезным не по возрасту, и прежде всего к поэзии, к учению на память не только стихов, но целых поэм Пушкина... культ которых у меня сохранился на всю жизнь» [13. С. 37]. Пушкина в семье любили и мать, Мария Витальевна Знамеровская,

урожденная Дегтярева, и отец, Петр Иосифович Знамеровский. В воспоминаниях Знамеровская отмечает: «...я вспоминаю, как в лагерь в Лугу в 30-е годы приехала бригада поэтов, слушать которую отправилась мама, любившая поэзию... Папа пришел в гнев. „Кто это пустил в лагерь этих пустомелей?“ – „Комиссар“, – оправдывалась мама. – „Тоже придумал стихоплетов пускать!“ – „Но ведь Пушкин тоже стихоплет. Разве ты его не любишь?“ – Папа несколько смутился. Но потом буркнул: „Я его не за стихи, а за прозу люблю. Ведь у него и повести есть“» [13. С. 59]. Но маленькой Тане папа читал в основном стихи Пушкина, точнее, его стихотворные сказки.

Книги Пушкина дарились Тане на дни рождения, читались ей вслух родителями или просто пересказывались ими в свободной форме. «С этой сказкой („Руслан и Людмила“. – А.М.), – отмечает в „Страницах из юношеского дневника“ Знамеровская, – у меня связан целый период моего детства. Я часто просила папу рассказать ее, и он каждый раз по-новому ее рассказывал, а я, прижавшись в кресле, с восторгом слушала...» [14. С. 251]. Она описывает такой случай: «...к моему рождению (а значит, в январе 19-го года) мама купила мне отдельное издание поэмы (сказки Пушкина я, конечно, к тому времени уже все читала) в красном с золотом переплете. Это было сделано заранее, и книга была спрятана. Но в папе сохранялись некоторые детские черты. Ему так хотелось поскорее прочитать со мной вместе „Руслана“, что, – когда мамы не бывало дома, – он потихоньку доставал книгу, и ко дню моего рождения она была уже нами освоена от корки до корки» [13. С. 83] и незаметно выучена наизусть. При этом нельзя забывать, что отец Тани был заместителем начальника артиллерии 12-й армии в составе войск Красной армии [13. С. 81], и в разгаре была Гражданская война! «Чтение мне стихов и сказок уже в самый ранний период было для меня наслаждением, и я очень многое знала на память, не страдая в то время застенчивостью и любя говорить стихи сама в чрезмерных количествах» [13. С. 71], – признается Знамеровская. Среди этих стихов и сказок важнейшее место было отведено родителями именно Пушкину.

Любовь к Пушкину родителей девочки, их вольные пересказы пушкинских сказок, их усилия по приобретению произведений Пушкина для ребенка и их чтению ей вслух познакомили ее с поэзией Пушкина и привили ей любовь к ней.

Потом на помощь пришел театр. Мама частенько брала Таню в театр: «...уже до десяти лет я, – вспоминала Знамеровская, – видела не только многие балеты, но и оперы» [13. С. 83]. Особо сильное впечатление произвела на девочку опера по одноименной поэме Пушкина «Руслан и Людмила»: «Боже, что я испытала, когда увидела впервые „Руслана и Людмилу“!» [13. С. 83] – писала Знамеровская в воспоминаниях. В 1922 г., в свои десять лет, Таня впервые попала на оперу «Пиковая дама». Театр и музыка Чайковского произвели на нее очень сильное трагическое впечатление [13. С. 108].

Видимо, сам перст судьбы был в том, что пассажирский пароход, на котором семья красного командира, несмотря на сложности, все-таки эвакуировалась из Киева во время наступления на город Деникина, тоже носил имя «Пушкин» [13. С. 90]. Тане в августе 1919 г. было семь лет, но название парохода крепко запечатлелось в детской памяти, возможно, потому, что в условиях общих сумятицы и хаоса это для нее родное имя успокаивало и внушило надежды.

В девять-девять лет Таня начала писать первые стихи и тогда же стала вести дневник [13. С. 108]. И продолжалось это практически до конца жизни. Ее стихи сохраняют музыку, простоту и ясность пушкинской поэзии. А в дневнике записывались и осмысливались переживания и события и оттавался литературный стиль автора.

Пушкина Знамеровская продолжала учить и позже, в 1920–1924 гг., в свои восемь-двенадцать лет, под руководством своей любимой учительницы Евгении Леонардовны Вишневской, выпускницы университета в Гренобле, в Василькове [13. С. 118]. Героями пушкинской поэзии Таня наслаждалась на открытках С.С. Соломко [13. С. 131]. Как отмечает Знамеровская в воспоминаниях, Пушкин «именно как романтик уже давно стал моим богом» [13. С. 136], и многое из него она знала на память.

По мере Таниного взросления шире становился круг знакомых ей и любимых ею творений Пушкина. В 1922 г., в десять лет, в Поповке, куда они уезжали летом с артиллерийской бригадой отца, отправлявшейся на учения, в имении старых народоволок «...после уже давно заученного на память „Руслана“ я с увлечением запоминала, – пишет Знамеровская, – также наизусть „Бахчисарайский фонтан“». Два-три года должны были пройти до того, как я ...вслед за этим принялась за „Онегина“, уже на грани раннего перехода от детства к юности. С пробелами я помню все это и сейчас, и никто не мог в жизни отнять у меня спасительного ухода в эту внутри меня живущую поэзию от скуки стояния в очереди или долгого пребывания среди обыденно-пошлых разговоров» [13. С. 106].

Ее интересовали не только поэтические образы Пушкина, но и то, в каком отношении они стояли к реальной жизни. Любовь к Пушкину развивала интерес к истории. В Батурине, куда семья вместе с отцом выезжала на лето в 1925–1927 гг., Таня ходила смотреть дворец Кочубея: «Большую территорию занимал бывший парк Кочубея, густой, запущенный, с высохшими прудами, с целым еще в те времена белым каменным домом, вероятно, XVI–XVII вв. Сохранились даже подвалы для узников с остатками вделанных в стены цепей и атрибутами пыток. Конечно, я не верила, что благородный Кочубей Пушкина всем этим пользовался, но это был отблеск реальной, – не только романтической, – истории» [13. С. 144].

В 1926 г. отец Тани был послан на Высшие командирские курсы усовершенствования в Детское Село (ныне г. Пушкин), и семья поехала туда вместе с ним. Как пишет Знамеровская, «папу посыпали в АКУКС – на высшие годовые курсы усовершенствования командного состава артиллерии в Детском Селе, – бывшем Царском Селе (!). Значит, меня ожидали пушкинские места, им (Пушкиным. – А.М.) воспетые и уже давно влекущие, а также Ленинград со всеми своими музеями и пригородами. Волнению и восторгу моему не было предела» [13. С. 152]. Любовь к Пушкину влекла за собой любовь ко всему, с ним связанному.

В Детском, бывшем Царском, Селе Таня учились в старших классах 1-й трудовой школы, бывшей дореволюционной знаменитой Николаевской гимназии: «...произошло мое знакомство с бывшим Царским Селом, вечно заставлявшим нас, окончивших там школу, на наших сорнищах произносить одни и те же священные пушкинские слова: „Отечество нам Царское Село“» [13. С. 155]. Произошедшее чуть позже знакомство с Павловском, Петерго-

фом, Гатчиной, Ораниенбаумом стало лишь продолжением, «исходным пунктом на всю жизнь остались пушкинские „сады прекрасные“ с их „священным сумраком“» [13. С. 156]. Причем эти сады Таня воспринимала имен-но через призму уже любимой ею поэзии Пушкина.

Пушкинская атмосфера в Детском Селе ощущалась не только Таней, Пушкина там продолжали любить. В 1928 г. к Тане и ее подруге Кате приходят одноклассники, декламируют сцену у фонтана из «Бориса Годунова» [14. С. 17].

В юношеские годы Таня продолжает читать Пушкина, ходить на кинофильмы и театральные спектакли по его произведениям. В 1928 г. в кино она видела «Капитанскую дочку», съемки которой сама же за год до выхода картины наблюдала в Детском Селе. И высказывает критическое суждение о картине, которая ей не вполне понравилась иным характером героев, чем у Пушкина [14. С. 53].

Удивительно, что эстетические и человеческие вкусы и пристрастия Знамеровской сформировались тоже под влиянием творчества Пушкина. Она подсознательно еще в школьные годы ищет для себя Героя наподобие пушкинского Онегина, а себя воспринимает как онегинскую Татьяну. Как Онегин был непохож на окружающих своим глубоким умом, эрудицией, независимостью суждений и гордостью, так и Танин избранник «Павлуша» – Павел Сигизмундович Чахурский, – на несколько лет раньше ее выпустившийся из 1-й трудовой школы и из-за дворянского происхождения отца не смогший поступить в вуз, тоже выделялся среди окружающих его молодых людей благородством фигуры и жестов, серьезностью и тонкостью души. Он прекрасно играл на фортепиано, имел разносторонние познания и острый сатирический ум.

Эпиграфом к «Страницам из юношеского дневника», на которых описывается ее юношеская любовь, ставшая базисом всей ее жизни, тоже явились стихи Пушкина [14. С. 11]. Отношения с Павлушей складывались не просто. Были и соперницы, и ревность, и расставание. Как и пушкинская Татьяна, Таня первая признается в любви своему предмету, передав ему письмо с посвященными ему стихами. А потом происходит все перевернувшая и все решившая в ее жизни новая встреча с Чахурским. Таня переживала все коллизии своей любви в образах Пушкина, которые помогли ей выдержать испытания. К своим стихам этого времени, объединенным ею в подцикл «Разлука без надежд» (из цикла «Любовь»), эпиграфом она берет строки Пушкина: «И вот одна, одна Татьяна!» [17. С. 65] (1929–1930). В стихах 1931–1934 гг., получивших общее название «Победа», опять эпиграфом звучат стихи Пушкина: «Примчался к ней, к своей Татьяне» [17. С. 113].

Эпиграфами в ее стихах других циклов также часто выступают строки Пушкина: в цикле «Любовь» [13. С. 174–175; 14. С. 260, 273], в цикле «Тень и свет» [13. С. 212, 232, 233, 237], в цикле «Листья аканфа» [13. С. 232, 250]. Пушкин открывал юной Тане красоту мира и красоту поэзии.

Уже взрослой, посещая с мужем Пушкинские горы в 1952 г., Знамеровская с вдохновением писала, обращаясь к поэту:

«Поэт, не ты ль определил
Мой выбор в юности мятежной,
Не ты ли сердце окрылил
Мечтой опасною и нежной?»

Ведь я онегинских примет
Во встречных юношах искала.
Твой стих был путеводный свет,
Из строф твоих я сети ткала,
Чтоб в петли прочные нежданно
Навеки пленицей попасть...
И смелой быть, изведав страсть,
Учила не твоя ль Татьяна?» [13. С. 205–206].

Позже, став взрослой и признаваясь в любви Ленинграду, она задумывается о том, что опять же обязана этой любовью именно Пушкину:

«Но напрасно... Иные законы
Беспокойному сердцу даны.
Не свои ль оно вздохи и стоны
Переносит на всплески волны?
Что ему и в покое и в силе
Величаво холодной Невы,
Если б в водах ее не дробились
Эти шпили, и сфинксы, и львы?
Если б Пушкин по этим гранитам
Не бродил над рекой никогда,
Если б с камнями не было слито
Столько мысли, мечты и труда?» [18. Л. 41].

После окончания школы Таня уезжает к семье в Днепропетровск и там поступает в Горный институт. После первого курса студенты едут на практику в Крым и посещают Бахчисарайский дворец. Снова – встреча с Пушкиным: «Всюду запущенность, сады без цветников. Все мертвое. Только поэзия Пушкина наполняет дворец и сад волнующими тенями, и строки стихов звнят в ушах» [14. С. 205].

Семья продолжала по возможности посещать театральные постановки по произведениям Пушкина. В письме П.С. Чахурскому уже из Ленинграда в 1931 г., когда Таня дала Павлуше положительный ответ на его предложение руки и сердца, она пишет: «Вчера была с мамой и Борей (братьем. – А.М.) в Мариинском театре на опере „Руслан и Людмила“» [14. С. 251].

На геологических практиках в Ленинградском горном институте Знаменская тоже не расставалась с Пушкиным: 28 сентября 1932 г., ведя геологические съемки в степях Башкирии, она записывает в дневнике: «В свободные минуты, отдохная, я вытаскивала из полевой сумки Пушкина, зачитываясь опять и опять „Евгением Онегиным“. Некоторые главы я знаю давно на память и, когда еду верхом или долго иду, читаю их вслух. Я не могу сказать о том, насколько это прекрасно, это все не то и этим ничего не скажешь. Я наслаждаюсь каждой строчкой, каждым словом, очаровываясь музыкальностью стиха, глубиной и остротой мысли. Я наслаждаюсь до боли, мой ум, как и мои чувства, захвачены этой простотой, этой непосредственностью и этой проникновенностью. Десятки раз я прочитываю и повторяю на память любые места, каждый раз испытывая новое волнение и удивляясь, как все просто, искренно, правдиво, ненадуманно, глубоко и неповторимо. Читая вслух, я ловлю каждую мысль поэта, каждую его шутку, замечание и насмешку, тень любви или ненависти, нежности или раздражения. И потом,

опять вернувшись к „Онегину“, раскрываю страницу наугад. В этом отношении я неисправима, меня ничто не может так захватить, как поэзия. Поэзия не только в стихах, но и в жизни, во всем, что прекрасно» [19. Л. 129]. 20 августа 1933 г., будучи на геологической практике на Старице, притоке Волги, она сожалеет, что в русских селах нигде не встречала портретов Пушкина [19. Л. 151]. Описывая ставшему тоже геологом и находящемуся в экспедиции мужу в 1933 г. свой письменный стол дома в Ленинграде, Знамеровская замечает: «У меня всегда стоит бюст Пушкина, самого моего любимого» [19. Л. 167].

Именно Пушкин с его «кавказскими» стихами взрастил и любовь Знамеровской к горам Кавказа. На Военно-Грузинской дороге она вспоминала, что «где-то здесь Пушкин шел пешком, здесь писал он „Кавказ“ и „...Шумит Арагва предо мною...“» [16. С. 89]. На Пантеоне в Тбилиси она думает: «Но, боже мой, сколько теней связано с этим местом! Здесь стоял над свежей еще могилой Грибоедова Пушкин» [16. С. 97]. В 1957 г. по дороге из Тбилиси в Ереван на Пушкинском перевале вспоминает, что «здесь ехавший в Эрзерум Пушкин встретил арбу с гробом Грибоедова. Место встречи расположено на старой, теперь заброшенной дороге. Оно видно с шоссе. Скульптурная группа напоминает о трагическом моменте, о том, что так просто, без лишних слов передано в лаконичной записи Пушкина. Вспоминается и не менее лаконичная зарисовка Пушкиным самого себя на этой дороге...» [16. С. 163] Рассказывая о прогулках с экскурсоводом М.И. Дерзибашевым по Тбилиси, упоминает, что «он рассказал мне кое-что о Тбилиси его молодости, показывая сверху топографию города, его наиболее достопримечательные места, дом, где, вероятно, останавливался Пушкин. Все оживало передо мной в его рассказах. И все было отмечено сочетанием живого чувства красоты с трезвостью ума, порой скептического, порой насмешливого» [16. С. 185]. Она апеллирует к Пушкину и его сентенциям в своих рассуждениях: «Пушкин сказал: ревность на девяносто процентов самолюбие и только на десять процентов любовь» [20. Л. 462]. Ее подкупают те, кто, как и она, любит Пушкина [20. Л. 528]. «Бедные были бы Грибоедов, Пушкин, Лермонтов и я, если бы Россия не присоединилась к Грузии!» – шутит Знамеровская [20. Л. 568]. В другой раз на Военно-Грузинской дороге она снова вспоминает: «Здесь Пушкин нарывался на хамство и невежество городничего – в который раз, в разные времена, характеризующие нашу чиновничью Россию!» [20. Л. 666]. В Тбилиси Пушкин ее сопровождает буквально везде, даже в обыденных делах: «Когда я только что приехала из Хевсуретии, я, как всегда, отправилась смывать экспедиционную грязь в Синюю, или Орбелиановскую, серную банию, в номера, где мылся Пушкин» [21. Л. 51]. В путевых заметках и воспоминаниях о поездках по Кавказу она снова эпиграфами берет строки из Пушкина [22. Л. 130, 164].

В конце жизни, формулируя отличительные качества своего горячо любимого мужа, к тому времени уже ушедшего из жизни, она писала: «Не был он и таким страстным поклонником Пушкина... с ...мудрым умением понимать самое трагичное и отталкивающее в жизни, показывая это с беспощадной образной правдой, и вместе с тем за всем этим не терять острого восприятия других, прекрасных, неотъемлемых от жизни в целом ее сторон, жадно беря их, не растворяя в ненависти к ужасам жизни страсть к ее красотам, вос-

певая в тесном сплетении борьбу с первыми и наслаждение вторыми... Со скепсисом в смысле всяких иллюзий относительно возможности прямого торжества только вторых, без необходимости в этих иллюзиях для жизнеутверждающей силы» [23. Л. 326].

Таким образом, Знамеровская постигала Пушкина постепенно: в раннем детстве через красоту и музыкальность стиха и увлекательность сюжета его сказок, с годами Пушкин вошел в ее жизнь и стал ее второй натурой, в своих поступках она опиралась на его пример и равнялась на данные им ориентиры, он помогал ей увидеть красоту окружающего, давал возможность уйти в поэзию, если окружающее отталкивало, не сломаться перед трудностями. Его творчество во многом воспитало характер Знамеровской с его достоинством, жизнерадостностью, умением любить и умением реализовывать себя в творчестве, как научном, так и литературном и поэтическом. Часто большой талант подавляет. Однако жизнеутверждающий талант Пушкина не подавил, а во многом взрастил талант Знамеровской, помог ей стать тем, кем она и мечтала, — яркой личностью, а после многих испытаний и замечательным специалистом-искусствоведом!

Список источников

1. *Ariès Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris : Plon ed., 1960. 501 p.
2. *Cobo Delgado, Gemma*. La niñez y su representacion en la España del siglo XVIII. PhD diss., Universidad Autónoma de Madrid Publ., 2021. 550 p.
3. *Retford K. Philippe Ariès's discovery of childhood: imagery and historical evidence // Continuity and Change*. 2016. № 31/3. P. 391–418.
4. *Coolidge, Grace ed. The Formation of the Child en Early Modern Spain*. Farnham : Ashgate, 2014.
5. *Langmuir E. Imagining Childhood*. New Haven : Yale University Press, 2006. 256 p.
6. *Nins. Retratos de ninos de los siglos XVI–XIX*. Colección de la Fundación Yannick y Ben Jakober. Museo de Bellas Artes de Valencia del 22 de junio al 3 de septiembre de 2000. Valencia : Generalitat Valenciana, 2000. 222 p.
7. Селиванов В.В., Мартыненко В.П., Сонина Т.В. Памяти Т.П. Знамеровской // Итальянский сборник. 2007. № 10. С. 235–246.
8. *Morozova A.V. T.P. Znamerovskaya as the Spanish art researcher: the influence of the epoch and research objectiveness // 3rd International Multidisciplinary scientific conference on Social Sciences and Arts. 6–9 April, 2016. SGEM 2016: Conference Proceedings. Book 4: Arts, Performing Arts, Architecture and Design. Volume 1: History of Arts. Contemporary Arts. performing and Visual Arts*. Vienna, 2016. P. 83–88.
9. *Морозова А.В. Домашнее воспитание и обучение в России 1910–1920-х гг. По воспоминаниям Т.П. Знамеровской, хранящимся в Российской национальной библиотеке // Вестник архивиста*. 2021. № 1. С. 301–312.
10. *Морозова А.В. Кавказ, запечатленный в мемуарах Т.П. Знамеровской, как источник вдохновения для образов ее научных публикаций // Вестник архивиста*. 2022. № 2. С. 611–622.
11. *Морозова А.В. Роль исторических романов в воспитании личности ученого-искусствоведа (на мемориальных архивных материалах доктора искусствоведения Т.П. Знамеровской (1912–1977)) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2023. № 51. С. 64–73.
12. *Morozova A.V. The Stages in the Development of Art Studies in Russia and the History of Spanish Art // SGEM Conference on Arts, Performing Arts, Architecture and Design. Conference proceedings. 1–10 September 2014. Albena, 2014. P. 87–93.*
13. *Знамеровская Т.П. Воспоминания и лирика (Любовь и жизнь. Стихи) / сост., подгот. текста, вступ. ст., comment., указатели А.В. Морозова*. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2020. 296 с.
14. *Знамеровская Т.П. Только о личном. Лирика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., указатели А.В. Морозова*. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2021. 318 с.
15. *Знамеровская Т.П. Переводы. Шекспир / сост., авт. предисловия А.В. Морозова*. СПб. : Радуга, 2022. 200 с.

16. Знамеровская Т.П. Горы и встречи. Ч. 1. Лирика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., указатель А.В. Морозовой. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2024. 330 с.
17. Знамеровская Т.П. Стихотворный цикл «Любовь». 1928–1975. 313 л. // Домашний архив В.А. Булкина.
18. Знамеровская Т.П. Стихотворный цикл «Листья аканфа». 1930–1960-е. 167 л. // Домашний архив В.А. Булкина.
19. Знамеровская Т.П. Дневник геологических практик. 1931–1934. 195 л. // Домашний архив В.А. Булкина.
20. Знамеровская Т.П. Горы и встречи. Ч. II. 1976. 351 л. // Рукописный отдел РНБ. Ф. 1239. Д. 5.
21. Знамеровская Т.П. Горы и встречи. Ч. III. 1976. 221 л. // Рукописный отдел РНБ. Ф. 1239. Д. 6.
22. Знамеровская Т.П. Горы и встречи. Ч. I. 1976. 476 л. // Рукописный отдел РНБ. Ф. 1239. Д. 4.
23. Знамеровская Т.П. Любовь и жизнь. Ч. II. 1976. 313 л. // Домашний архив Н.Б. Знамеровской.

References

1. Ariès, Ph. (1960) *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris: Plon ed.
2. Cobo Delgado, G. (2021) *La niñez y su representacion en la España del siglo XVIII*. PhD Thesis, Universidad Autónoma de Madrid Publ.
3. Retford, K. (2016) Philippe Ariès's discovery of childhood: imagery and historical evidence. *Continuity and Change*. 31/3, pp. 391–418.
4. Coolidge, G. (ed.) (2014) *The Formation of the Child in Early Modern Spain*. Farnham: Ashgate.
5. Langmuir, E. (2006) *Imagining Childhood*. New Haven: Yale University Press.
6. Nins. (2000) *Retratos de ninos de los siglos XVI–XIX. Coleccion de la Fundacion Yannick y Ben Jakober. Museo de Bellas Artes de Valencia del 22 de junio al 3 de septiembre de 2000*. Valencia: Generalitat Valenciana.
7. Selivanov, V.V., Martynenko, V.P. & Sonina, T.V. (2007) Pamyati T.P. Znamerovskoy [In Memory of T.P. Znamerovskaya]. *Ital'janskiy sbornik*. 10, pp. 235–246.
8. Morozova, A.V. (2016) T.P. Znamerovskaya as the Spanish art researcher: the influence of the epoch and research objectiveness. *3rd International Multidisciplinary conference on Social Sciences and Arts. 6–9 April, 2016. SGEM 2016: Conference Proceedings. Book 4: Arts, Performing Arts, Architecture and Design*. Vol. 1. Vienna, pp. 83–88.
9. Morozova, A.V. (2021) Domashee vospitanie i obuchenie v Rossii 1910–1920-kh gg. Po vospominaniyam T.P. Znamerovskoy, khranyashchimsya v Rossiyskoy natsional'noy bibliotekе [Home Upbringing and Education in Russia in the 1910s–1920s. Based on the Memoirs of T.P. Znamerovskaya Held at the Russian National Library]. *Vestnik arhivista*. 1, pp. 301–312.
10. Morozova, A.V. (2022) Kavkaz, zapechatlennyi v memuarakh T.P. Znamerovskoy, kak istochnik vdkhnoveniya dlya obrazov ee nauchnykh publikatsiy [The Caucasus, Captured in the Memoirs of T.P. Znamerovskaya, as a Source of Inspiration for the Images in Her Scholarly Publications]. *Vestnik arhivista*. 2, pp. 611–622.
11. Morozova, A.V. (2023) The Role of Historical Novels in the Educating an Art Scholar's Personality (Based on Memorial Archival Materials of Doctor of Art History T.P. Znamerovskaya (1912–1977)). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 51, pp. 64–73. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/51/6
12. Morozova, A.V. (2014) The Stages in the Development of Art Studies in Russia and the History of Spanish Art. *SGEM Conference on Arts, Performing Arts, Architecture and Design. Conference proceedings*. September 1–10, 2014. Albena. pp. 87–93.
13. Znamerovskaya, T.P. (2020) *Vospominaniya i lirika (Lyubov' i zhizn'. Stikhi)* [Memoirs and Lyric Poetry (Love and Life. Poems)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
14. Znamerovskaya, T.P. (2021) *Tol'ko o lichnom. Lirika* [Only About the Personal. Lyric Poetry]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
15. Znamerovskaya, T.P. (2022) *Perevody. Shekspir* [Translations. Shakespeare]. St. Petersburg: Raduga.
16. Znamerovskaya, T.P. (2024) *Gory i vstrechi. Ch. I. Lirika* [Mountains and Encounters. Pt. 1. Lyric Poetry]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

17. Znamerovskaya, T.P. (n.d.) *Stikhotvornyts tsikl "Lyubov"*. 1928–1975. 313 fols. [Poetic cycle "Love". 1928–1975. 313 fols.]. V.A. Bulkin's Home Archive.
18. Znamerovskaya, T.P. (n.d.) *Stikhotvornyts tsikl "List'ya akanfa"*. 1930-e–1960-e. 167 fols. [Poetic cycle "Acanthus Leaves". 1930s–1960s. 167 fols.]. V.A. Bulkin's Home Archive.
19. Znamerovskaya, T.P. (n.d.) *Dnevnik geologicheskikh praktik*. 1931–1934. 195 fols. [Geology Field Practice Diary. 1931–1934. 195 fols.]. V.A. Bulkin's Home Archive.
20. Znamerovskaya, T.P. (n.d.) *Gory i vstrechi. Ch. II*. 1976. 351 fols. [Mountains and Encounters. Pt. II. 1976. 351 fols.]. Manuscript Department of the Russian National Library. Fund 1239. File 5.
21. Znamerovskaya, T.P. (n.d.) *Gory i vstrechi. Ch. III*. 1976. 221 fols. [Mountains and Encounters. Pt. III. 1976. 221 fols.]. Manuscript Department of the RNB]. Fund 1239. File 6.
22. Znamerovskaya, T.P. (n.d.) *Gory i vstrechi. Ch. I*. 1976. 476 fols. [Mountains and Encounters. Pt. I. 1976. 476 fols.]. Manuscript Department of the RNB]. Fund 1239. File 4.
23. Znamerovskaya, T.P. (n.d.) *Lyubov' i zhizn'*. Ch. II. 1976. 313 fols. [Love and Life. Pt. II. 1976. 313 fols.]. N.B. Znamerovskaya's Home Archive.

Сведения об авторе:

Морозова А.В. – доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент; доцент кафедры истории западноевропейского искусства Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: amorozova64@mail.ru; a.v.morozova@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Morozova A.V. – Department of Western European Art History, Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: amorozova64@mail.ru; a.v.morozova@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2024;
одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 27.10.2025.*

*The article was submitted 03.06.2024;
approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 27.10.2025.*